

**МОРСКОЙ ЖАРГОН КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В.С.ПИКУЛЯ
«ОКЕАНСКИЙ ПАТРУЛЬ»)**

**Кротов Н.И.,
научный руководитель канд. филол. наук Подберёзкина Л.З.
Сибирский федеральный университет**

Военно-морская проза Валентина Пикуля долгое время была несправедливо обделена вниманием исследователей, особенно по сравнению с его произведениями исторического жанра. Дебютный роман «Океанский патруль», опубликованный в 1954 году, представляет интерес с точки зрения наук, изучающих неcodифицированные формы существования языка: диалектологии, жаргоноведения и функциональной стилистики текста, методы которой были применены в представленном исследовании. Его цель – охарактеризовать выявленные в ходе работы *функции морского жаргона в художественном тексте*, такие как *характерологическая, эмпатическая, функция характеристики коммуникативной ситуации, криптолалическая функция*.

Характерологическая функция заключается в том, чтобы раскрыть характеры персонажей и придать им психологическую достоверность, а также раскрыть образ автора. Здесь хорошо заметна особенность идиостиля Пикуля – экспликация принадлежности героя к носителям той или иной формы существования языка (литературной, просторечной, диалектной) при помощи лексических и пунктуационных средств. Частным проявлением этой особенности является включение в образ автора его владения литературной нормой русского языка.

Так, например, можно наблюдать, что в некоторых случаях в авторской речи Пикуля при употреблении морского жаргона его единицы заключаются в кавычки. Ср.: *Второпях матросы ссыпали песок кучками на рундуках и сразу попали под «фитиль» Пеклеванного, Водяные «усы» со свистом ложились по бортам*. Это можно трактовать как экспликацию писателем употребления элементов морского жаргона именно в художественной функции: в образ автора включается как факт его владение литературным русским языком. Не допускается употребление ненормативных единиц без указания на осознание их ненормативности, для чего и используются кавычки.

Отклонения от этого правила встречаются дважды. Так, понятие *водяной молот* два раза встречается в авторской речи, и ни разу – в речи героев, при этом заключается в кавычки только единожды (ср.: *Бомбы наконец достигают воды и взрываются на глубине, ударяя по днищу катера «водяным молотом»; ...посыпались сверху глубинные бомбы, и каждая, сотрясая борта субмарины, колотила ее мощным водяным молотом.*). Представляется правдоподобным такое объяснение: оба высказывания описывают события с точки зрения того или иного героя. Однако в первом случае центральным персонажем повествования выступает Сергей Рябинин – новичок на военно-морской службе, не являющийся носителем морского жаргона, а во втором – старый рыбак Мацута, который таковым является. При передаче речи носителя литературного языка элементы морского жаргона выделяются кавычками, которые показывают

несвойственность этого выражения словарному запасу персонажа. При передаче речи носителя собственно морского жаргона такой необходимости нет.

Аналогично: слово *свежак* (свежий ветер – Н.К.) лишь при одном из двух употреблений в авторской речи заключено в кавычки (ср. *Дул сильный «свежак», отжимающий корабль от берега; Могучий свежак сиверко ударил в паруса...*). В первом случае речь принадлежит собственно повествователю, во втором она воспроизводит мысли Ирины Рябиной, которая как гидробиолог профессионально связана с морем и работой на судне и также является носителем морского жаргона.

Автор использует и иные приёмы речевого растождествления себя с героями-носителями морского жаргона: так, боцман Мацута, рассказывая жене о минувшем рейсе, следует морской акцентологической норме для именительного падежа множественного числа слова *шторм* (ср.: *Вот это был рейс! Тридцать семь дней, а из них двадцать девять – штормá!*); в авторской же речи, в главе «Сиссу», где действие происходит на суше, уже не с носителями морского жаргона, а с солдатами (несобственно-прямая речь исключается контекстом), слово приводится в общелитературном варианте склонения (ср.: *Отгрохотали тяжёлые штормы...*).

Эмпатическая функция состоит в том, чтобы заставить сопереживать героям и вызвать у читателя эмоции, соответствующие описываемым событиям (точнее – авторскому замыслу о том, какие именно эмоции этим событиям соответствуют). В связи с этим Л.П. Крысин подчёркивал наличие у жаргонных единиц не только образности, но и «выразительной краткости» [Крысин Л.П. Язык в современном обществе: Книга для учащихся. – М.: ООО «ТИД «Русское Слово – РС»», 2008. – 208 с.]. Ярчайший пример – слово *купец* в значении «коммерческое судно». При сохраняющемся существенном признаке – семе «торговля» – оно приобретает в романе новые коннотации (надёжность, неспешность; ср. *На рейде дымящиеся буксиры разворачивали тяжёлый (выделено мной – Н.К.) океанский транспорт, было слышно, как на палубе «купца» тяжело и устало гудел гонг*), а заодно и начинает произноситься значительно быстрее.

С текстовой эмпатической функцией морского жаргона тесно связана игровая функция, присущая ему как элементу речи. Ярким примером её реализации является употребление слова *коробка* в значении «судно»; заметим, что замещаемое им слово располагается на границе общелитературной и профессиональной лексики. Один раз слово *коробка* употребляется боцманом Мацутой по отношению к кораблю, на котором он служит, и здесь приобретает значение грубоватой ласки. Это подчёркивается ещё и аллитерацией р/р': «...душу мою не стронешь: крепко она приросла к этой коробке», воспроизводящей кряхтящий голос старого рыбака. Во второй раз слово употребляется в косвенной речи портового диспетчера, рассказывающего об ошибке штурмана союзного судна, и здесь имеет значение некоторой пренебрежительности. В обоих случаях эмотивная функция речи превалирует над информационной; говорящий выстраивает речь больше в соответствии со своим отношением к сообщаемой информации и обсуждаемой реалии, нежели с её сутью, причём его эмоции автор стремится эмпатически передать читателю.

Игровая функция слова *капуста* в устах шкипера Сорокоумова доходит до самоиронии, поскольку фуражку с означенной «капустой» – регалию капитана – он требует у начальника экспедиции Рябиной для себя самого. Юмористический эффект

дополнительно усиливается тем фактом, что в Словаре непонятных слов Пикуля [Пикуль В.С. Словарь малопонятных слов // Пикуль В.С. Океанский патруль. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. – С. 778-790.] значение лексемы *капуста* не поясняется. Таким образом, эмпатическая функция сопрягается с характерологической: Сорокоумов живописан как обладатель незаурядного чувства юмора.

Ещё один пример такого сопряжения – сокращение слова *якорь* до фамильярного *яшка*. Оно употребляется Прохором Рябининым, когда тот, пребывая в благодушном настроении, отдаёт распоряжения о предоставлении матросам своего корабля увольнения на берег. В речи героя слово взято в кавычки, что, как нам уже известно, подчёркивает осознание Рябининым его ненормативности, а значит, сознательность употребления. Автор наглядно демонстрирует интенцию умелого руководителя Рябинина к установлению исподволь атмосферы расслабления, к ослаблению напряжения после боевого похода – и опять-таки стремится эмпатически передать означенные эмоции читателю.

Функция характеристики коммуникативной ситуации состоит в том, чтобы эксплицировать экстралингвистические обстоятельства речи персонажей. Несёт такую характеристику, например, слово *глубинка* (глубинная бомба – Н.К.) из прямой речи лейтенанта Пеклеванного (ср. - *Эх, если бы у нас была хоть одна серия **глубинок!** – загорелся Пеклеванный*): действие происходит в бою, следовательно, краткость высказываний становится решающим фактором в вопросе жизни и смерти.

Аналогична, по-видимому, ситуация с не фиксируемыми в словарях, однако несомненно профессионально специфичными синтаксическими оборотами в речи того же Пеклеванного: *«Почему вы идёте **в корму** по правому борту? Надо идти по левому, а **в нос** – по правому»*. По сравнению с литературным *на корму* и *на нос* число слогов уменьшается вдвое, что не только демонстрирует владение Пеклеванного морским жаргоном, но и дополнительно характеризует его как офицера, привыкшего экономить время.

Слово *марсофлот* интересно тем, что по контексту невозможно определить, в каком из возможных значений оно употреблено. Если имеет место первое значение – «опытный моряк, знающий и любящий море и морское дело», то оно будет являться предваряющей характеристикой пока не называемого по имени персонажа (шкипера Сорокоумова; ср. *Мудрый, талантливый человек, хотя и с большими причудами. В старое время даже **марсофлоты** боялись его, как огня!*) Если же используется второе значение – «презрительное прозвище сторонников парусного флота в эпоху оснащения судов паровыми машинами» – то помимо вышесказанного жаргонизм будет являться биографической характеристикой, означающей, что употребляющий его начальник рыболовной флотилии Деменьтев застал времена, когда это значение было актуальным (на что, в частности, указывает его собственная отсылка к «старому времени»).

О слове *асей*, фигурирующем в речи рыбачки тёти Поли и поморского шкипера Антипа Сорокоумова, хочется сказать особо, так как обстоятельства его употребления в тексте представляют определённый лексикографический интерес. При первом использовании слова Пикуль даёт подтекстовую сноску: «На русском Севере среди коренных поморов (выделено мной – Н.К.) до сих пор ещё бытует это слово, которым называют англичан. *Асей* происходит от английского «I say», что значит – «послушай!»».

Словарь морского жаргона [Каланов Н.А. Словарь морского жаргона: Около 1500 слов, 1400 идиоматических выражений. – М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 477 с.] пометы «из речи поморов» к слову *асей* не даёт, из чего можно сделать вывод, что на момент написания романа (или даже сбора материалов) Пикулем оно находилось «на пути» из поморского диалекта в морской жаргон. Это слово, в речи тёти Поли выполняющее задачу исключительно насыщения образа героини народным колоритом, приобретает несколько большее функциональное разнообразие в речи Сорокоумова. В отличие от тёти Поли, литературной нормой просто не владеющей, этот гордящийся своей самобытностью (ср. ...*Легко вам с геометрией да с чертежами, а вы безо всего, на глазок попробуйте...*; *А я <...> одну зиму бегал в Кемское шкиперское, где монаси преподавали, потом сапоги разбились – перестал, своим умом до всего доходил!*..) мореход и корабел использует поморский диалект и слово *асей* в том числе как средство противопоставления себя и «души своей русской» прочим героям, опирающимся при мореплавании и навигации на научные знания. В тексте романа не эксплицировано, действительно ли Сорокоумов не владеет и принципиально не стремится овладеть литературной нормой, или же владеет, но сознательно использует просторечие даже в ситуации, предполагающей официальную коммуникацию (например, в разговоре с Ириной Рябининой – начальником экспедиции, в состав которой входит шхуна Сорокоумова). Однако реализация автором идентификационной функции поморского диалекта и морского жаргона, а с ними и слова *асей*, не может подвергаться сомнению.

К слову *чернослив* – «каменный уголь» – словари Пикуля и Каланова дают помету «шутливое», и именно в таком значении оно употребляется командой военного корабля по отношению к новичку Сергею Рябину. Дважды его произносит боцман дядя Софрон, рассказывая юноше о работе, предстоящей ему на борту, и присовокупляет: «Не работа, а одно лакомство». В третий раз слово употребляется незнакомым кочегаром, уже когда Сергей спускается в машинное отделение. Здесь выявляется *криптолалическая функция* морского жаргона: моряки в присутствии новичка стремятся перейти на профессионально специфичный язык, дабы дружелюбно (на что указывает словарная пометка «шутливое») подчеркнуть, что в их товарищество новичок пока не входит. При этом есть нюанс: Сергей сам вырос в семье моряков, а следовательно (хотя в тексте это не эксплицируется), не являясь носителем морского жаргона, может быть знаком с его отдельными элементами, в том числе и с этим. Таким образом, криптолалию используют не моряки по отношению к Сергею, а автор по отношению к читателю, который с высокой долей вероятности не является моряком; криптолаличность жаргонизма служит усилителем его художественной выразительности, дистанцируя читателя от героев и создавая вокруг их быта эффект диковины.

Подводя итог, мы видим, что в романе Пикуля почти ни один элемент морского жаргона не функционирует в каком-либо одном аспекте, а выполняет сразу несколько текстовых функций. Наиболее ярко создаёт образ и подчёркивает авторскую индивидуальность характерологическое и криптолалическое использование морского жаргона.